

представляется определение содержания конституционных положений в конституционной практике (прежде всего в практике конституционного правосудия). Другими словами, Верховному суду надлежит принять ряд решений, в которых при толковании соответствующих норм Конституции языковая дискриминация будет рассмотрена как самостоятельный вид дискриминации, не всегда связанный с дискриминацией по национальному признаку. Впрочем, после конкретных дискуссионных конституционализации принципа равенства независимо от языка в США выходит за рамки настоящей работы.

В рамках же данной статьи гораздо более важным является вывод о том, что принцип равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от языка является конституционным по своей природе и его закрепление в тексте действующей Конституции РФ скорее отражает его конституционную, нежели установленную ее. В то же время глубокое понимание значения рассматриваемого конституционного принципа было бы невозможно без обращения к опыту государства, в правовой системе которого процесс конституционализации данного принципа еще не завершился.

Примечания

¹ Татаровская И. М. Проблема государственного языка в США // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 5. С. 32.

² Там же.

³ Конституционное право зарубежных стран в вопросах и ответах: учеб.-метод. пособие / ред. А. В. Малева. М., 2003. С. 34.

⁴ Для защиты принципа равенства независимо от языка в этих случаях судам приходится ссылаться на нормы отраслевого законодательства, большинство из которых предусматривает защиту от дискриминации по национальному признаку (в таких случаях языковая дискриминация рассматривается судами как surrogate дискриминация национальной), либо «находить» гарантии равенства независимо от языка в нормах Конституции, традиционно применяемых для защиты от дискриминации по национальному признаку (Поправка XIV к Конституции США); сложность юридических построений, применяемых судами в процессе такого «нахождения», заслуживает отдельной статьи.

⁵ Алабаторова И. А. Конституционные принципы: форма выражения, место в системе права и его источники // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 8. С. 12.

⁶ Там же. С. 13.

УДК 342(470)

ИННОВАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ИНСТИТУТ ПРАВА

Е. О. Кузьмина

Саратовский государственный университет E-mail: kuzminaeo@list.ru

В статье рассматриваются современные проблемы правового регулирования инновационной деятельности в Российской Федерации. Автор обосновывает свою позицию, согласно которой существуют все необходимые теоретические предпосылки к тому, чтобы рассматривать инновационную деятельность как межотраслевой институт российского права.

Ключевые слова: инновации, инновационная деятельность, правовое регулирование, модернизация, предпринимательская деятельность, институт права.

Innovative Activity as Legal Institution

Е. О. Kuzmina

In article modern problems of legal regulation of innovative activity in the Russian Federation are considered. The author proves the position according to which there are all necessary theoretical preconditions considering innovative activity as interbranch institution of the Russian law. **Key words:** innovations, innovative activity, legal regulation, modernization, enterprise activity, legal institution.

Одной из основных задач бюджетной политики на 2011–2013 гг. и дальнейших перспектив, поставленных в Бюджетном послании Президента

РФ от 29 июня 2010 г., являются разработка и внедрение инструментов поддержки инноваций. Президент отмечает необходимость создания особого правового режима для осуществления научной, предпринимательской и иной деятельности с целью максимального облегчения условий реализации инновационных разработок для участников проекта Сколково¹.

В связи с этим в настоящее время усилено внимание законодательства к инновационной деятельности. 2 февраля 2011 г. в Государственную думу внесен законопроект «О государственной поддержке инновационной деятельности в Российской Федерации», который, в отличие от отмененного в 2010 г. проекта федерального закона «Об инновационной деятельности в Российской Федерации», определяет требования к субъектам государственной поддержки, регулирует их права и обязанности, а также осуществляет критерии поддержки инновационных проектов. Нормы, в той или иной форме затрагивающие инновационную деятельность, появляются во множестве нормативных актов федерального уровня. Так, в

Право 93

© Кузьмина Е. О., 2011

Известия Саратовского университета. 2011. Т. 11. Сер. Экономика. Управление. Право, вып. 2

связи с принятием Федерального закона «Об инновационном центре «Сколково»» были внесены изменения в десятки федеральных законов, в том числе в БК РФ, НК РФ, федеральные законы от 8 августа 2001 г. № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» от 25 ноября 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», от 27 декабря 2002 г. № 184-ФЗ «О техническом регулировании» и др. Таким образом, инновационная деятельность превращается в комплексный объект правового регулирования². Более того, если рассматривать

инновационную деятельность в широком смысле как совокупность общественных отношений, тем или иным образом затрагивающих создание и внедрение инноваций, то правовое регулирование инновационной деятельности, соответственно, можно рассматривать как институт права. Однако перед этим следует задать вопрос: действительно ли появление такого института является целесообразным, не обусловлен ли всплеск активности законодательства в этой сфере исключительно политическими и конъюнктурными соображениями – как сиюминутная реакция на послание президента? Действительно ли инновационная деятельность нуждается в самостоятельном правовом регулировании?

Правомочность постановки последнего вопроса подкрепляется следующими рассуждениями. Инновационная деятельность, по сути, представляет собой создание нового продукта (товара, услуги) либо внедрение новшества на любой стадии его жизненного цикла (создание, продвижение, распространение и т.д.). При этом выделяют два дополнительных признака инновационной деятельности – повышенный риск (связанный с неопределенностью отдачи от результатов) и ориентацию на коммерциализацию (то есть получение значительной выгоды в результате вывода на рынок) от инновации³. Однако эти признаки, в принципе, характерны для любой предпринимательской деятельности, которой, согласно определению в ст. 2 ГК РФ, признается «самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке»⁴. Использование новшества той или иной степени является для предпринимательской деятельности вполне нормальной ситуацией; не будет преувеличением сказать, что изменения необходимы бизнесу для выживания. Таким образом, закономерно встает вопрос: каковы предпосылки специального правового регулирования инновационной деятельности?

Для ответа на вопрос следует обратиться к комментарию О. Усковой, президента Национальной ассоциации инноваций и развития инновационных технологий, по поводу нового законопроекта о государственной поддержке инновационной деятельности: «Модернизация производства – организационно сложный и финансово затратный процесс. Переход на новые технологии заставляет значительно менять привычный и установившийся производственный цикл, налаженную систему управления, систему профессиональной подготовки персонала. Это влечет за собой массовые инвестиции и неизменные сбои в работе предприятия, что негативно сказывается на его экономическом положении в краткосрочной перспективе. Во всех случаях это серьезные финансовые риски, за которые руководство несет полную персональную ответственность. Даже крупнейшие международные корпорации очень неохотно идут на инновационные проекты, пока не возникнет уже серьезная угроза их положению на рынке»⁵.

Государство и общество заинтересованы в том, чтобы российские предприятия были конкурентоспособными на мировом рынке⁶. Конкурентоспособность в настоящее время достигается без использования современных технологий в производстве, маркетинге, распространении продукции, оказании услуг; а это требует от многих предприятий модернизации производственного цикла. Государство и общество заинтересованы также в повышении эффективности организаций бюджетной сферы, органов государственной власти и местного самоуправления, что также требует модернизации их деятельности. Но если, например, проводить модернизацию органов государственной власти, органов местного самоуправления государством может вестись по приказному порядку (в качестве примера такой модернизации можно привести Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»⁷, который на законодательном уровне установил обязанность органов власти использовать современные стандарты и технологии для обеспечения доступа к сведениям об их деятельности, в том числе размещать эти сведения в сети Интернет), то по отношению к бизнесу необходимы иные административные методы – прежде всего стимулирование и поощрение. В то же время, на наш взгляд, следует отличать модернизацию от инновационной деятельности, хотя многие авторы и смешивают эти понятия. Безусловно, в точки зрения бизнес-процессов отдельно взятой коммерческой компании или промышленного предприятия модернизация этих процессов представляет собой внедрение инноваций – тяжелой и затратной на ранних стадиях работы и внедрение инноваций со стороны государства. Но при этом она ориентируется на другие компании, предприятия, организации, в том числе и зарубежные, ранее внедрившие аналогичные технологии и доказавшие эффективность такой модернизации своим примером. В отличие от модернизации внедрение инноваций, по нашему мнению, не дает уверенности в конечном результате – либо организация является первой использующей

94 Научный отдел

Е. О. Кузьмина. Инновационная деятельность как институт права

соответствующие новшества, либо их внедрение происходит по действующим совершенно новым (по сравнению с другими известными случаями) факторов, таких как экономическая ситуация на локальном рынке, особенности производственного цикла и т.д. Таким образом, «настоящая» инновационная деятельность отличается максимально высокой степенью риска. Конечно, это не значит, что инноватор, рискуя своим бизнесом, играет в азартную игру – внедрение инноваций основано на уверенности в успехе, а эта уверенность, в свою очередь, зиждется на определенных основаниях. Но если содержание деятельности по модернизации производства, по переходу на современные технологии несложно формализовать и установить четкие правовые критерии (в частности, являющиеся основанием для оказания государственной поддержки), то решить ту же задачу по отношению к «чистой» инновационной деятельности гораздо сложнее. Поэтому, на наш взгляд, в нормотворчестве следует разграничивать понятия модернизации и инновационной деятельности.

Таким образом, развитие общественных отношений инновационной деятельности специального правового регулирования данной сферы. В определении правового института, предложенном в учебнике теории государства и права под ред. В. В. Перевалова, отмечается, что в основе выделения институтов и отраслей права лежат предмет и метод правового регулирования⁸.

В. Д. Перевалов определяет предмет правового регулирования как фактические отношения людей, объективно нуждающиеся в правовом регулировании, которым присущи следующие характеристики: устойчивые, повторяющиеся и типичные отношения; волевые целенаправленные отношения; отношения поведенческие, за которыми можно осуществлять внешний контроль⁹. Объективная потребность в правовом регулировании инновационной деятельности как системы общественных отношений показана выше, и нетрудно увидеть, что эти отношения обладают всеми перечисленными характеристиками. Под методом правового регулирования понимается «основная совокупность приемов, способов и средств воздействия на поведение субъектов правоотношений»¹⁰. Как отмечает Ю. А. Свириц, «самостоятельного правового значения сам метод не имеет. В сочетании с предметом метод отрасли права способствует более точной и строгой градации права на отрасли»¹¹. Для правового регулирования инновационной деятельности в первую очередь характерен такой метод, как стимулирование (поощрение).

Таким образом, на наш взгляд, существуют все необходимые теоретические предпосылки для того, чтобы рассматривать инновационную деятельность как межотраслевой институт российского права, в котором на фоне императивно-диспозитивного метода ключевую роль играет специальный метод – стимулирование.

Для окончательного становления этого института необходимо принятие базового закона, в котором содержались бы прежде всего однозначное нормативное определение и критерии инновационной деятельности.

Примечания

¹ См.: Бюджетное послание Президента РФ Федеральному собранию РФ от 29 июня 2010 г. «О бюджетной политике в 2011–2013 годах» // Пенсия. 2010. № 7.

² См.: Новик С. В., Мейерякова М. А. Юридические аспекты поддержки инноваций в экономическом развитии // Журнал российского права. 2010. № 4. С. 148–155.

³ См.: Завальнюк А. С. Инновационная деятельность в России: проблемы правового регулирования // автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, М., 2005. С. 8; Ильяшова Т. П., Павлов К. Т. Современное состояние права на инновационный тип развития: краткий обзор // Вестник ТОГУ. 2010. № 2(17). С. 158.

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

⁵ Ускова О. Липший орган. Нужен ли России еще один инновационный фонд? // Рос. бизнес-газета. 2011. № 788(6).

⁶ Эта заинтересованность отражается в нормативных документах, принятых более десяти лет назад. Можно назвать, например, Постановление Правительства РФ от 31 декабря 1999 г. № 1460 «О комплексе мер по развитию и государственной поддержке малых предприятий в сфере материального производства и содействию их инновационной деятельности», модельный закон об инновационно-инвестиционной инфраструктуре (принят в г. Санкт-Петербурге 8 июня 1997 г. Постановлением № 9-11 на 9-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) и др.

⁷ Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления: Федер. закон от 09 февраля 2009 г. № 8-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 7, ст. 776.

⁸ См., например, Шейнов А. Ф. Система советского социалистического права. М., 1961. С. 9; Теория государства и права / под ред. К. А. Мокичева. М., 1965. С. 407; Общая теория советского права / под ред. С. Н. Братуся и И. С. Самошенина. М., 1966. С. 317; Алексеев С. С. Общие теоретические проблемы системы советского права. М., 1961. С. 6–7.

⁹ См.: Теория государства и права: учебник для вузов / отв. ред. В. Д. Перевалов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 452.

¹⁰ Там же. С. 176.

¹¹ Ильяшова Т. П. Гражданское право: в 2 ч. М., 2001. Ч. 1. С. 9.

¹² Свириц Ю. А. Исполнительное производство и трансгрессия исполнительного права: монография. М., 2009. С. 28.

